

4
(112)

4
(112)

Отчий край

Литературно -
художественный
иллюстрированный
журнал

Литературно -
художественный
иллюстрированный
журнал

Отчий край

Основан в 1994 году В. Б. Смирновым

*Лауреат Всероссийской литературной премии
«Сталинград»,
Государственной премии Волгоградской области,
премии имени Виктора Канунникова*

Отчий край

4 (112)
2021

Главный редактор
Александр ЛЕПЕЩЕНКО

Шеф-редактор
Владимир МАВРОДИЕВ

Художественный редактор
Вадим ЖУКОВ

Технический редактор
Татьяна ПРОХОРЕНКО

Бильд-редактор
Евгений ГУДИМЕНКО

Корректор
Валентина КРАВЧЕНКО

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Александра ЕРОНОВА,

заместитель директора ГКУВО «Центр информационного и материально-технического обеспечения»

Лариса ТРОПКИНА,

директор лицея № 5 им. Ю. А. Гагарина, депутат Волгоградской городской Думы

Лариса ЖАРАВИНА,

доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики ее преподавания ВГСПУ

Василий СУПРУН,

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания ВГСПУ

Александр МЛЕЧКО,

доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и журналистики ВолГУ

Елена ТИШИНА,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания ВГСПУ

Ольга НАЗАРОВА,

заведующая сектором краеведения ВОУНБ им. М. Горького

Роман ШКОДА,

кандидат экономических наук, главный редактор интернет-издания «Царицын.рф»

Александр РОМАШКОВ,

председатель совета ветеранов Волгоградской областной организации «Союз журналистов России»

Анатолий ЕГИН,

кандидат медицинских наук, заслуженный врач РФ, член Союза писателей России

Александр КОЛОМЫТКИН,

директор ГКУВО «Государственный архив Волгоградской области»

Александр ТКАЧЕНКО,

кандидат политических наук, почетный член Союза журналистов России

Петр ХАРИТОНЕНКО,

историк, краевед

Людмила ДУДОВА,

кандидат филологических наук, профессор кафедры ЮНЕСКО РГПУ им. А. И. Герцена

Александр ОСИПОВ,

депутат Волгоградской областной Думы

СОДЕРЖАНИЕ

ДИСКУССИЯ

Марина САМОСТЬЕВА. Образы еды в прозе Бориса Екимова	4
--	---

СОВРЕМЕННАЯ КЛАССИКА

Борис ЕКИМОВ. Память лета	12
---------------------------	----

ЭПОХА

Захар ПРИЛЕПИН. Высоцкий как наш современник	47
--	----

ИМЕНА

Андрей АНТИПИН. Чёрный хлеб Евдокима Русакова	95
---	----

ПРОЗА

Михаил ТАРКОВСКИЙ. Полёт совы	67
Александр ГОРОХОВ. Через дно кружки	165
Магомед КАДИРБЕКОВ. Обыкновенные истории	134
Евгений ЛУКИН. Дело о причиндалах	206
Алексей БИРЮКОВ. Русалка районного масштаба.	
Погоня за красным кочетом	215
Валерия РЕДКОКАШИНА. Двое в целом мире	230

ПОЭЗИЯ

Анатолий КИМ. «А я маленький принц...»	41
Александр КАЗИНЦЕВ.	
«Я был рождён подлёдным родником...»	55
Евдоким РУСАКОВ. «Как бы ни было печально...»	86
Анатолий ЕГИН. «Светлая лунная строчка...»	122
Сергей КОМИН. «И любили, но абы как...»	185
Анастасия КОЛОМЕЙЦЕВА.	
«Что-то важное ветер унёс...»	233

ЖИВЁМ И ПОМНИМ

Василий ЛИФИНСКИЙ. Музыкальные вечера в Дахау	102
---	-----

ПОДВИЖНИКИ

Татьяна БАТУРИНА. Первый	129
--------------------------	-----

РУССКАЯ МЫСЛЬ

Евгений ПЕРЕВЕРЗЕВ. Обратная сторона океана	143
---	-----

СКРЕПЫ ИСТОРИИ

Роман ШКОДА.	
Красный Верден: Царицын в революции и Гражданской войне	190

СКРЕПЫ СУДЬБЫ

Виктор БУЯНКИН. Пушка из Январцева	225
------------------------------------	-----

ПРОГУЛКИ СО ШКОДОЙ

Роман ШКОДА. Из грязи в князи	239
-------------------------------	-----

ОПЫТЫ ЧТЕНИЯ

Усман АЛИМБЕКОВ. Ослепление «Жомом»	245
-------------------------------------	-----

КНИЖНИК КУИМОВ

Олег КУИМОВ. «Лавка сновидений»	254
---------------------------------	-----

Усман АЛИМБЕКОВ

Ослепление «Жомом»

Ливри Анатолий Владимирович. Жом: роман. — Российский колокол, 2020, №1—2.

Анатолий Ливри — доктор наук, эллинист, поэт, философ, бывший славист Сорбонны, ныне преподаватель Университета Ниццы — *Sophia Antipolis*, автор четырнадцати книг, опубликованных в России и Франции. Его философские работы получили признание немецкой Ассоциации Фридриха Ницше и неоднократно публиковались Гумбольдтским университетом, а также берлинским издателем Ницше *Walter de Gruyter Verlag*. Открытия Анатолия Ливри-эллиниста признаны Ассоциацией эллинистов Франции *Guillaume Budé* и с 2003 года издаются её альманахом под редакцией нынешнего декана факультета эллинистики Сорбонны, профессора Алена Бийо (*Alain Billault*). В России Анатолий Ливри получил две международные премии: «Серебряная Литера» и «Эврика!» — за монографию «Набоков-ницшеанец» («Алетейя», Петербург, 2005), опубликованную на французском языке в 2010 году парижским издательством *Hermann*, а сейчас готовящуюся к публикации в Германии на немецком языке. Одновременно в Петербурге издано продолжение «Набокова-ницшеанца» — переписанная автором на русский язык собственная докторская диссертация по компаративистике — «Физиология Сверхчеловека», — защищённая Анатолием Ливри в Университете Ниццы — *Sophia Antipolis* в 2011 году с профессором Патриком Кийе.

А экс-ректор Литинститута Сергей Есин так писал об Анатолии Ливри-поэте в «Литературной газете» (2015, № 3), еженедельнике, который Анатолий Ливри представляет как спецкор в Берне: «Понимаю ли я и могу ли расшифровать всё, о чём пишет Ливри, этот отчаянный и, может быть, последний солдат святой филологии в Европе? Да нет, не хватает ни эрудиции, ни точных знаний, но интуиция прекрасного на страже. Где мои

АЛИМБЕКОВ Усман Барибекович — прозаик, поэт, драматург, член Союза писателей России и Союза журналистов России. Родился в 1961 году. Живёт в г. Камышине Волгоградской области. В прошлом член литобъединения «Навна» (Рига) и создатель Театра одного актёра (Камышин). Автор диалогии «Асманкель» и «Сак», а также романа «Макахита». Публиковался в журналах «Наш современник», «Отчий край», «Семья» и др.

университетские двадцать лет: сидеть бы со словарями, справочниками и географическими картами и разматывать эти кроссворды и ребусы... Какое изумительное волнение испытываешь, когда из слов вынимаешь замысел! Так опадает пересохшая глина с ещё горячей отливки. Спадает, а дальше — ликующая бронза!»

Оставьте их: они — слепые вожди слепых;
а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму.

Евангелие от Матфея. Глава 15, стих 14

Роман «Жом» Анатолия Ливри, скажу вам, обалденный! Каков темп! Каков ритм! Каков слог! А как завораживает интеллектуальный текст!

Не знаю, как у других, а у меня, с моим воображением, восприятие сопровождалось то холодом, то жаром, то ужасом, то экстазом! И всё это вовлекало меня в какой-то мир хаоса, который не пугал и не отталкивал, а интриговал. Перечитал несколько раз. Каков (в восхитительном смысле) сукин сын автор! Во-первых, талантлив! И далее — одарённый провокатор!

Из всех моих достоинств, возможно, лучшее — впечатлительность. Она проявляется, когда знакомлюсь с художественным произведением, которое меня захватывает. А так она, загнанная в дальний угол моей сущности бренными потребностями, ведёт себя тихо. Ну а когда уж зашевелится, то покоя не даст. Сначала взбудоражит восприятие, потом держит в напряжении. А если напряжение затягивается, то, значит, научен опытом, что-то в произведении скрывают, возможно, сами того не подозревая. Тогда призываю на помощь моих друзей — беспристрастность и критический взгляд. Они-то умеют со знанием дела углубиться в предмет и не торопясь изучить каждый эпизод сочинения в трёхмерном измерении, освобождая меня от плоскостного видения. Хочу отметить, даже если читатель, а я именно он, владеет многомерным измерением, то есть взглядом с нескольких сторон, он всё равно остаётся субъективным. Лично меня это не смущает: достоинство это или недостаток — судить уже не мне.

Повторюсь, роман, несомненно, талантлив!

И напомним: что-то в нём было не так.

Сразу и не поймёшь, сразу и не уловишь. Могу сильно ошибаться, но, как мне видится, мизантропию пытаются выдать за эффектную женщину, не имеющую ничего против низкой социальной ответственности.

Когда говорят об искусстве, то чаще имеют в виду его прекрасность в свете Божьего свечения именно с духовно-нравственным акцентом. Но мало кто помнит, что искусство не есть корпоративная, запатентованная собственность. Оно бывает и обольстительным, убийственным, коварным и так далее. Вот роман «Жом», думаю, не был бы чужим в области тех, кто мало помнит.

Сквозь густые заросли сатиризма мне всё-таки удалось заметить тёмное расплывчатое очертание силуэта брутального сатира. А что же это за очертание — может спросить любознательный. Отвечу: аура. Её если не видеть, то почувствовать завсегда можно. У чистой души аура светлая, у чёрной, соответственно, тёмная. Если очертание старается не показываться на глаза, то сам герой особо не таится, более того, он без какого-либо страха обнажает свою природу, внутри которой пульсирует источник очертания — нечто тёмное. О таких говорят: дитя Люцифера, падшего ангела. А он ведь был любимым чадом, пока не отрёкся от Творца своего. Разногласия между Творцом и Его некогда любимым ангелом достигли такого

уровня, что мироздание расколосось на две части. Какая больше, а какая меньше, сейчас не столь важно. Здесь другое — мир мрака не живёт уединённо в своей части, наоборот, проникает в часть Творца через людей и активно участвует в их судьбах, обманчиво вместе с ними страдая и радуясь в бренной жизни.

На вопрос, а нельзя ли эту сторону обойти, ответу: можно, но делать это должен сам человек, выбор за ним. Потому как эйцехоре — семя дьявола и душа — Божие дыхание, боль и радость, страдание и цветение изначально находятся в нём.

И мне время от времени приходится делать выбор, а он легко не даётся, потому и приходится вступать в сражение с самим собой. Не сдаться тёмной энергии помогает мне светлый горизонт, притягивающий своим возвышающимся простором. Хотя понимаю, что без какой-либо, даже самой малюсенькой, части моё существо неполноценно. И категорическое отрицание своих граней есть глупость. Другое дело — нужно различать, чему потворствовать нельзя, а над чем необходимо трудиться не покладая рук. И надобно всегда помнить, что человек несёт в себе и чёрную природу, и светлую. Но звание человека обязывает внимательно отслеживать свои грани и принимать меры, если светлый горизонт начинает темнеть. Но обязанность не всегда работает, и как следствие — каждый в меру своего уклона в ту или другую сторону и принимает, что ближе ему. В этом, надо признать, величайшая свобода человека.

Какая-то моя сторона вначале очень эмоционально отреагировала на роман «Жом», не лишним будет повторить, талантливый. Но потом за дело взялась другая.

Забегу вперёд и доложу читателю: без аналогии мне трудно было бы объяснить позицию светлой моей стороны, вот она-то и раскрыла карты, то есть наглядно продемонстрировала то, что впечатлило, и то, что в действительности скрывалось за этим.

Дионис — один из самых влиятельных богов древней античности, не обязательно греческой. Он первый, насколько верна история, выводит на передний план дикую природу живого существа как единственно истинную. И надо признать, весьма оригинально. Но тут же возникает вопрос: «А почему именно дикая природа истинная?» Только потому, что она может сама себя уничтожить, потом снова зародиться тем же, кем была? Если бы она была действительно истинной, то вечная игра самим с собой продолжалась бы вечно. Но на авансцене Жизни объявляется альтернативная истина — человеческая, которую я называю естественной. У этой природы совершенно иная задача: не вечно перерождаться, а заново родиться новым человеком, имеющим далеко идущие планы, которые называются — пути Господни неисповедимы. Неисповедимость для бренной части жизни человека.

Как бороться с альтернативой? Надо отдать должное Люциферу: он не сидел сложа руки, а нашёл-таки орудие. Падший ангел тысячи и тысячи лет навязывает человечеству мысль: эволюция (циничная, технологическая) — это хорошо. Но фокус в том, что подобная эволюция превращает творческого человека в существо, а от него до дикого состояния полшага (или того хуже — полшага до биосущества). И попробуйте сегодня цивилизованный мир человечества убедить, что Люцифер не прав. А он не прав. Так что нас впереди ожидают не простые деньки.

В чём основное противостояние между дикой и естественной природами? Дикая управляема! Звучит, простите за тавтологию, дико, но это так. Как говорил герой фильма «Джентльмены удачи»: «Украл, выпил, в тюрьму» — и так до бесконечности по одной формуле, какой бы масштабной и эффектной она ни выглядела. А естественная — не управляемая, она по-

зитивно ожидаемая. Естественная есть Божия! Здесь не меньше проблем, но зато потенциал безграничен в своих проявлениях, и у неё есть будущее, вечно обновляющееся по сути, пусть и потенциальное. Правда, существует вариант остаться без того, если доведём себя опять до дикости.

С появлением альтернативной истины сама борьба за жизнь не прекратилась, наоборот, она стала долгосрочной. Порой перевес, надо признать, может оказаться не на стороне оптимистического будущего. Но потом опять всё выравнивается, и надежда на светлую бесконечность опять светит нам вдалеке. В этом и прелесть нашей не запрограммированной жизни. Но автор романа «Жом» настроен весьма серьёзно. Лично я уважаю его позицию. Далее попробую именно в таком русле выводить противоборствующие ему мысли по поводу романа, хотя он, может быть, совсем не так думает, как я себе представляю. Поэтому остерегусь говорить категорично, ибо считаю это глупостью (и потом — он прав для себя). У меня задача — оправдать свою позицию. Пожалуй, начну.

Сатир, попавший на страницы повествования, завершая свой возбуждённый пир, заявляет: «...всё познаётся убийством!»

Попробуйте возразить. Если не придирается к конкретным выборкам, вырванным из контекста, их, на мой взгляд, вполне можно приложить и к библейским изречениям. Почему к библейским? Простите за вульгарность определения действия, наезд на христианство проглядывается в тональности. А я как мусульманин-суфий, признающий древо Авраамово как начало трёх конфессий — иудейский, христианский и исламский, встаю на защиту, в силу мер своих, одной из ветвей Великого Древа.

Так вот. Вспомним библейское: «Зерно не прорастёт, пока не умрёт».

Разные по форме изречения, скажем так, дикой и естественной сторон, имеют один смысл — смерть одного открывает дорогу жизни другому. Коли смысл един, то в чём проблема? В первом случае акт убийства является главным составляющим изречения. Во втором — говорится об обновлении самого отношения к жизни, и для этого нет никакой нужды и в самом деле кого-то убивать.

Далее идёт более смелая дискредитация не столько христианства, сколько самой веры человека в единого Бога, назовём его библейским. И автор устами сатира выставляет достижения последних двух тысяч лет баловством самозванца — Иисуса Христа. В этом замысел, скрытый под воспеванием сатурналия. Имеет право, ведь в их адрес тоже сыплются обвинения. Это оставим. Моя задача в другом. Показать, как мой визави изыскан, как виртуозен в своей правоте, которую не приемлет моя душа.

Чтобы прочувствовать то, о чём говорю, приведу примеры из романа героя-перевоплощенца: «Ибо дух есть пустой желудок, ждущий жертвы медовой!», «Их искусство преподаю я смехом да смертью, пестуя неистребимо весёлый телесный тайфун грядущего сверхчеловека!»

Как бы изощрённо ни был скрыт замысел автора, повторяюсь: роман талантлив и его автор не лишён привлекательности, хотя сам герой романа не выглядит Гераклом, или Прометеем, или тем же Тесеем, у него совершенно другой образ — отрицательный.

Потерянный в множестве перевоплощений сатир презрительно высказывает свои мысли вслух: «Ещё пропитанные ночным чадом лучи обрушивались на хвойную гряду, стекали по ветвям, словно заря была ливнем, — а окропленные восходом, отлипающие от древесных остовов двуногие обретали ту относительную завершенность, с коей за пару срамных тысячелетий их смирило единобожие».

Попробуйте возразить. Ведь и на самом деле, чего только люди не вытворяли за пару якобы срамных тысячелетий. Вытворяли и продолжают,

Питер Брейгель Старший. Притча о слепых

страшно представить. Но я говорю иначе: «Тысячелетия не срамные, а невероятно тяжёлые, в атмосфере полного багрянца сатаны люди выжили и остались людьми. Разве это не чудо! Правда, бои не закончились, они продолжают по всем фронтам, и нам — людям — ещё предстоит стоять не одно тысячелетие, чтобы если не одержать победу, то хотя бы сохранить человека, устоять соблазнам, войнам, болезням, катастрофам».

Сатир не может без презрения, которое разбавляет сарказмом и полочет нашу человеческую природу, которой он не живёт и не может жить, но считает, что может что-то понимать: «Каждый из недавних жертвователей быстро превращался в членораздельно мыслящего индивидуума, сносно выдрессированного держаться вертикально, и, сощурившись, туповато оглядывал свой ночной подвиг».

Речь о дионисарии и о людях, в нём участвовавших. Люди разные бывают и по-разному воспринимают соблазны или испытания, по-разному участвуют в некоторых мероприятиях. Одни предаются всему отвратительному с точки зрения нормальных собратьев по разуму с удовольствием и превращаются в дикое существо, другие остаются людьми и сохраняются как создания Божие. Дикие люди участвуют в пире жертвователей, а естественные — нет, более того, не поощряют подобные подвиги.

Как-то в Эрмитаже я загляделся на обнажённую деву у какой-то речки и в течение десяти минут услышал два восприятия. Первый высказался так: «Ты глянь, какие груди, соски, а промежность, пусть и скрытая, но её чувствуешь, обалдеть!» Спустила несколько минут второй: «Какое мастерство! Какая девственность! Какая чистота! Обалдеть!» Да, в женской природе много чего есть, что видно. Но сколько того, чего не видеть! Я к тому, что восприятие исходит от внутреннего состояния, высокого или пошлого, независимо с чем он сталкивается. Я наблюдал два отношения к изображению оголённой девушки в Эрмитаже — физиологическое и эстетичес-

кое. И то и другое вполне приемлемое. Но сатирическое, передающее, возможно, авторское, в приемлемость, во всяком случае для меня, не вписывается, глаголющего так: «А ведь предупреждали её давеча посвящённые: «Ну не влачи ты кровь да прах свои на гору, в Альпы! К нам!» Однако как обильна ересью дева! И тем паче сколь разнородна женская скверна! С каждой оргазменной спазмочкой приумножается чавкающее чванство её, влагалище святотатно посягает на планетное первенство, блудливо диффамирует мир. Сцапать самку за спесь-похотник (феноменальнее иного фаллоса), опутав её теневыми тенётами, полонить в тесный круг заклателей — кромешников зело злой Земелы! Тут-то, в крепко запертом раю убийц, поджидаю самку я. И каждый получает своё!»

Сложнейшая ситуация. Скверна в каждом присутствует, и чего вроде ханжествовать. Но здесь и кроется проверка на вшивость. Иметь в себе смерть изначально — не говорит о том, что мы все абсолютно смертны навеки. Я, например, верю в бессмертную душу, и она при определённом моём состоянии может трансформировать ограниченную брнную мою суть в вечную. Иметь в себе скверну не значит быть извращенцем или тем, кто диким разумом заявляет: «Всё познаётся убийством».

У каждого своя жажда и своё утоление.

Каждый получает своё: «Убивая, расточаю я жизнь — в этом мой искус, моё замысловатое искусство!»

Звучит-то как красиво! Маниакально! Для современного subtilного двуногого существа дико привлекательно! Для ограниченного человека это из области оргазменной фантастики!

Звучит красиво. В действительности же здесь обнажается трусливая логика существ, любящих за чужой счёт жить, но говорящих об обратном. Среди нормальных людей предостаточно подобных. Трусость и алчность прикрываются жертвенностью. Многие пытаются, именно этим движимые, овладеть сознанием людей, хранящих в себе и демонов, и образы величайших святых, хранящих в себе дьявола и Бога, но доверчивых и наивных. Можно смело всех перемешать и заявить: отличите хороших и плохих. Так-то оно так, но выстреленная чёрная стрела — каждый получает своё — выдаёт с потрохами тех, кто реально убивает и получает от этого дикое удовольствие. Нормальные люди, если даже каким-то образом и участвуют в таких убийствах, ужасаются последствиям.

Правота сатира проявляется эффектно, не слабым окрасом исчадия мрака, но он способен только поглощать в отличие от света, имеющего замечательное свойство не только освещать, а и отражать, обогащать.

Отблески исчадия выражают немощность сатира, его отчаяние, при всей наглядной крутости: «А в мою обрастающую мускулами, кожей да шерстью спину дико вперила своё золотое око планета, — и розовеющими ягодичками вбираю я её ядрёно-свирепую мудрость, ненавистницу того, что нынче зовётся смыслом».

А где отчаяние — спросит вдруг внимательный читатель.

Подскажу: в ненависти.

Она же в памяти, которую он тоже не совсем чит: «Ведь что ни говори, а вечная память — не более чем протез из слоновой кости, заполняющий проём подросткового предплечья, ненароком проетого доверчивым Богом-Отцом с семейством на пикнике у извращенца. Вот и мои воспоминания приобретают, наконец, цепкость, изворотливость, перехлёстывают через хребет самости, одним словом — плющевеют, сплетаясь с Вселенной! С тех пор яд минувшего — всегдашнее зелье метаморфозы — стал утехой моей повседневности, оросил её, просочившись под эпидермис вечно возвращающихся снов».

Если заикнуться на сравнениях, чтобы видеть разницу, то можно подключить кого-нибудь из классиков. Например, сатир «Жома» и убийца «Преступления и наказания». Один крут, брутален, но мерзок ко всему, прошлому, настоящему и будущему, — признак слабости духа. Другой subtilen и тоже мерзок к настоящему, безволен к прошлому, но истинно силен к будущему — признак сильной воли и духа.

Автор романа «Жом» — великолепный прозаик, потому его повествование не оставляет читателя равнодушным. Всё, о чём пишет он, есть талантливый вызов. Ценность вызова в том, что вроде особо возразить нечему, вроде глаголет всё верно: и естество в нас присутствует, и всё дикое порой в нас просыпается, но речь не о человеке, а о существе, считающем именно человека проблемой природы и ошибкой Создателя, с чем я как человек согласиться не могу. И своей позицией попытаюсь отстоять свою веру в Того, Кто спасёт этот мир, а не столкнёт его в тартар. Хотя Он в моей защите не нуждается, но, тем не менее, я всё-таки попробую, потому как, защищая Его, в первую очередь защищаю себя и моих собратьев по душе человеческой.

Так вот. Притягательный герой «Жома» пышет ненавистью и соответственно беспросветностью, а это его тревожит, не даёт покоя тёмной душе его и вынуждает его мыслить: «Я был любимцем и сыном столь земного Всевышнего... наиневесомейшей частицей, бултыхающейся в истощной покорности ему, почти безымянному, своим прозвищем единящему все возможные на планете звуки...»

Это всё, на что его хватает.

Затем он опять тот самый сатир и Бог его тот же самый — тёмный и дикий, разумеется, мощный и сильный: «И представал он пред нами не бескопытным подобием рогатых сорвиголов своей свиты, драпированных небридовым юбрисом, а удавом, винтовальной лаской свежей чешуи лишавшим бересты ствол, целыми днями источавший бледно-ледяную лимфу, да наконецником хвоста аргусовой раскраски погружавшимся сквозь корни дерева в мою родину, — ко злу; или рюхающим барбаросой-трагеллафом, распалённым буйной страстью в косящей рыси за газелями по гулкоэхому лугу: но самым блаженным было, конечно, его незримое присутствие, проедающее насквозь всё...»

Постоянное возрождение существом вынуждает его отгораживаться от среды, которая порождает его и его же пожирает: «Но стоило Ему (Богу) пропасть, как воздух испещрялся сонмом разнопёрых демонов».

Постоянный мрак сознания сатира, не ведающий света, естественно презирует того, кто смеет указывать на его ущербность: «Наяд, тянущих из пены проворные пальцы к твоему восставшему члену... который тот человекий мошенник поздней эпохи (стащивший нашу тайну для своих тяжело-весных выкрутасов и захромавший однажды над гладью галилейского озера) прозвал срамом».

В кого бы он ни перерождался, всё начиналось со зла: «Распадался на части. А там — ничего! Земля всасывала тело без остатка! — туда, вглубь, к своему пульсирующему злу».

И тёмная энергия лепила новое существо: «Дух тяжести наваливался — полонья и пополняя меня далековатостью — сиречь смешивая со смерто-радостной обыденностью нечто новое».

Но новое только обличовка, суть та же: «По мере крушения сатировой плоти сквозь отголоски бурения планеты — восставала властоёмкая яйцевидная бесскорлупая мощь, имя которой Зло, под вуалью тугоплавких пластов заправляющее всем во благо добродейной пустоты, жадной до наших молитв, — Зло, забирающее наземные, недавно столь ладно друг

дружке пригнанные, однако утратившие всякий смысл куски, и, наконец, втянувшее мои воркующие останки осточертевшей разумности. Бурлящая матка приняла и впитала шматы моего мяса. Но вдруг пустилась переделывать меня, обжигая огненными быстринами Господа, ваяя существо, миру ранее неизвестное, вдувая в него дух его прошлых странствий и тотчас милостиво исторгая из своего острога».

Новоявленное существо: «Страх схватился с любопытством, сдавшись на милость врага, — а пока они суетливо мерились силами, смолистый дух моих слёз полонил пещеру».

Новоявленные мысли предвзяты по-прежнему: «Ведь господь — художник, а невзгоды наши — его краски».

Отсюда и то же воззрение: «Господь шарахнул Совилом, расколовши созвездие Инглии на Тельца с Близнецами, — так и застывшими навеки, — и молниеносно куски мяса в овраге соединились, ставши затем столь набившими оскомину людьми. Сей же миг я уловил их тление... эти — живые! — гнили с головы. Но не плотью, а духом, обескровленным охамевшим от всевластия мозгом. Гормональные дегенераты! И эти мутанты показались мне ещё лучшими из всего стада людского...»

Новое существо — дикий виноград, с неизменной сутью — сатировой, осознаёт себя в таком качестве: «Но горе! — корни поработили танцоров вчерашней ночи, средь гроздевых рядов прыгал я... Одиночка! Только тут я познал ужас уникальности: дети мои телом не вышли для пляски. Безногие, безглазые. Безустые! И, несмотря на свою храбрость, пребудут они таковыми до последнего пришествия Господа моего! — снова этот вероломный дротик прозрения, яро разгоняющего эволюцию, мгновенно затягивающую рану, засоряя, а после стирая само воспоминание о ней!..»

Осознав, лоза вспоминает прошлое: «Помню, планета заплывала жиром, травясь порождённым ею же человеком. И я выл от праведного бешенства. Ища противоядия от заразы людского здравомыслия, сам постепенно заболевая духом его тяжести».

А что вспоминает дитя человеческое?

Свет и объятия Родителей, нежность и Любовь их к нему.

Не имея такого счастья, существо определяет своё отношение к своему новому положению: «Постепенно я уподобился вирусу Земли — человеку: обрюзг и обмяк. Божественный восторг показался мне чуждым — так можно погрязнуть в гранулах разума! — и я занял безропотно место в ряду с пугливо потеснившимися лозами, запустил корни в кремнистый грунт — сделался полезным, отныне не гнушаясь, когда двуногие лиходеи лапали мои лозы, обрезали их, давили. Смешивали мою кровь с вытяжкой вялых душ моих отпрысков да с водой. Тщеславием моего ожиревшего естества стала целесообразность: зная превосходство своих соков, я рычагом собственной воли переиначивал их, дабы прийтись по вкусу падким до пафосного пьянства разумникам, откровенно презиравшим моего Господа».

Чем ущербно постоянное возрождение одного и того же существа, по сути, разумеется? Отсутствием обновления. Вроде свежие откровения, но в них по-прежнему старые смыслы: «Преступление! Да, преступление против человечества — вот изначальная суть всякого подлинного жречества! Ибо только оно совершенствует людской род!»

Преступления совершают люди одни, но другие спасают мир. И в этом преимущество произведения Божьего. Но у сатира-лозы односторонний подход к миру людей: «С тех пор... насилие над человеком разумным стало делом моего существования. Не было суток, чтобы я не пробирался во тьме внутрь храма лжепророков и не разбивал там старые скрижали с корявыми рожами святых, а потом, при свете дня... наслаждался недоуме-

нием пасторов и сторожей. Кому бы взбрело в голову назвать погромщиком куст дикого винограда?! Не было недели, чтобы я не громил домов, — удушая их хозяев. А как я взрывал мостовые! А как славно руки ночных бражников, тех, что полны истошной варварской кровушки, тянулись к разбросанным по улице тёсаным камням, дабы запустить ими в затылок сытого стража порядка!.. Из самых лиходейских полуночников набирал я, доверившись единственно вкусу и запаху их тел, послушников своей разбойничьей веры, — для которых моя дикая бикала стала святой, — выжимал до дна да дегустировал души! По-младенчески! — как людской сосунок тянет в рот всякую вещь на пробу — сравнивая её с нектаром материнской груди».

Какое преломление мыслей! Но если заглянуть за огранки призмы сатирового камня, то там обнаруживается дикий оскал его природы: «О столетия, как они гаснут, удаляясь вверх, по многоцветному мосту, к солнцу... пропитался я, мгновенно заводясь Божьим бешенством, ритмикой воображённых шагов моего прошлого, тихих, точно голубиных. Я потянулся, храпом отгоняя грёзы, удовлетворённо хрустнул лозами, завертел бородой из обновлённых гроздей и зажмурился всеми очами. Будто выздоравливающий, набравшийся сил, сорвался я с места, кинулся к вершине, остановившись только на голом выступе скалы... Внизу возлежал насыщенный кровью давешней ночи Запад. Именно мне надлежало выдавливать в них древнюю козлиную сущность, доводить человека до нашего истинного исступления мудрости. Улучшать людской вид душой сатира!»

И финал — падение!

В «Божественной комедии» Данте в финале мы вместе с откровениями Алигьери воспаряем вверх!

А здесь падение: «По горной дороге прогромыхал «фольксваген», амфибия, подобно мне. Такие встречал я на полях под Лигницем десятилетий семь тому назад, когда планета отчаянно билась за неслыханное счастье, проигрывая войну. Автомобиль ревел, словно сетуя на отсутствие крыльев, — невозможность взмыть к блекнувшей радуге. С его запасного колеса, затопляя всё вокруг светом, сверкала сварганенная сварливым Сварогом свастика. Из радиоприёмника машины вылетали валькирии, а расщеплённый молнией ясень дирижировал стаей, вознося к солнцу дугообразные ветви. «Фольксваген» давно скрылся, но знойное ущелье ещё долго сотрясало рокотом высшего пилотажа воительниц. Привычный трепет пронзил меня: началось ускорение — давненько его не случилось! И, чуя, что я обязан снова спуститься туда, вниз, к людям и храмам чуждого им, давно удушенного завистью бога, закатиться, избегая троп человеческих, я изогнулся от дикой ломки. Меж моих ветвей скоро проросли плечевые кости, раздвоились на лучевую с локтевой, вытянулись запястьями, сразу удлинившимися пальцами. Из них, пронзая грозди, даже давя виноград, показались маховые, а за ними кроющие перья, лоснясь опахалами. И когда простёртые к светилу крылья вздохнули в порыве истинного сверхчеловеческого счастья, я, разбежавшись, оттолкнулся корнями от скалы».

Неспроста упоминаются автомобиль, крылья и, самое главное, разбег и отталкивание — технология, эволюция технологии и натужие, в бесконечности не имеющее вечного полёта. Человеческой душе нет нужды от чего-то отталкиваться. Его душа возносится ввысь сама собой по зову высшего Света...

Да, наш мир полон несовершенства, но в нём лично я чувствую Вечный Живой Оптимизм...

Да простится мне, возможно, неистребимая наивность...